

Соловьев Владимир Сергеевич

Оправдание добра
Нравственная философия

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Оправдание добра: Нравственная философия / Соловьев Владимир Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 712 с.

ISBN 978-5-519-74670-0

ISBN 978-5-519-74670-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
/Предисловіе. Нравственный смыслъ жизни въ его предваритель- номъ понятіи	ix
/Введеніе. Нравственная философія какъ самостоятельная наука .	1
1Глава первая. Первичныя данныя нравственности ✕	34
1Глава вторая. Аскетическое начало въ нравственности †. . .	59
Глава третья. Жалость и альтруизмъ	84
1Глава четвертая. Религіозное начало въ нравственности . . .	110
Глава пятая. О добродѣтеляхъ. †.	131
Глава шестая. Мнимыя начала практической философіи. . . .	165
Глава седьмая. Безусловное начало нравственности †. . . .	193
Глава осьмая. Личность и Общество	224
Глава девятая. Нравственный субъективизмъ	321
Глава десятая. Нравственная основа общественности	337
Глава одиннадцатая. Національный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія †.	359
Глава двѣнадцатая. Уголовный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія †.	390
Глава тринадцатая. Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія	429
Глава четырнадцатая. Нравственность и право †.	484
Глава пятнадцатая. Смыслъ войны †.	513
Глава шестнадцатая. Нравственная организація человѣчества .	549
Заключеніе. Нравственный смыслъ жизни въ его окончательномъ опредѣленіи и переходъ къ теоретической философіи.	636
Приложеніе. Изложеніе и оцѣнка формальнаго принципа нрав- ственности (Канта) съ критическими замѣчаніями объ эмпирической этикѣ	647

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нравственный смыслъ жизни въ его предварительномъ понятіи.

Есть ли у нашей жизни вообще какой-нибудь смыслъ? Если есть, то имѣетъ ли онъ нравственный характеръ, коренится ли онъ въ нравственной области? И если да, то въ чемъ онъ состоитъ, какое будетъ ему вѣрное и полное опредѣленіе? Нельзя обойти этихъ вопросовъ, относительно которыхъ нѣтъ согласія въ современномъ сознаніи. Одни отрицаютъ у жизни всякій смыслъ, другіе полагаютъ, что смыслъ жизни не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью, что онъ повсе не зависитъ отъ нашихъ должныхъ или добрыхъ отношеній къ Богу, къ людямъ и ко всему міру; третьи, наконецъ, рѣшительно признавая значеніе нравственныхъ нормъ для жизни, даютъ имъ весьма различныя опредѣленія, вступаая между собою въ споръ, требующій разбора и рѣшенія.

Ни въ какомъ случаѣ нельзя считать такой разборъ лишнимъ. При настоящемъ положеніи человѣческаго сознанія, даже тѣ немногіе, которые уже владѣютъ

твердымъ и окончательнымъ рѣшеніемъ жизненнаго вопроса *для себя*, должны оправдать его *для другихъ*: умъ, одолѣвшій собственные сомнѣнія, не есть причина сердцу быть равнодушнымъ къ чужимъ заблужденіямъ.]

I.

Между отрицателями жизненнаго смысла есть люди серьезные; это тѣ, которые свое отрицаніе завершаютъ дѣломъ — самоубійствомъ; и есть несерьезные, отрицающіе смыслъ жизни лишь посредствомъ разсужденій и цѣлыхъ мнимо-философскихъ системъ. Конечно, я не врагъ разсужденій и системъ; но я имѣю въ виду людей, принимающихъ свои разсужденія и системы за *дѣло себя доволнующее*, ни къ какимъ жизненнымъ поступкамъ, ни къ какому практическому осуществленію не обязывающее: этихъ людей и ихъ умственные упражненія должно признать несерьезными. Безъ сомнѣнія такія истины какъ та, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, остаются истинами совершенно независимо отъ того, кто ихъ произносить и какую онъ жизнь ведетъ; но пессимистическая оцѣнка жизни не есть истина математическая — она необходимо включаетъ въ себя личное субъективное отношеніе къ жизни. Когда теоретическій пессимистъ утверждаетъ какъ настоящую объективную истину, что жизнь есть зло и страданіе, то онъ этимъ выражаетъ свое убѣжденіе, что жизнь такова *для всѣхъ*,] но если для всѣхъ, то значить и для него самого, а если такъ, то на какомъ же основаніи онъ живетъ и пользуется зломъ жизни, какъ еслибы оно было благомъ?] Ссылаются на инстинктъ, который заставляетъ жить вопреки разумному убѣжденію, что жить не стоить.

Ссылка бесполезная, потому что инстинктъ не есть внѣшняя сила, механически принуждающая къ чему-нибудь: инстинктъ проявляется въ самомъ живущемъ существѣ, побуждая его искать извѣстныхъ состояній, кажущихся ему желанными, или пріятными. И если, благодаря инстинкту, пессимистъ находитъ удовольствіе въ жизни, то не подрывается ли этимъ самое основаніе для его мнимо-разумнаго убѣжденія, будто жизнь есть зло и страданіе? Но эти удовольствія, возражаетъ онъ, суть иллюзія. Что значать эти слова съ его точки зрѣнія? Если признавать положительный смыслъ жизни, тогда, конечно, можно многое считать за иллюзію, именно по отношенію къ этому смыслу: какъ пустяки, отвлекающіе отъ главнаго и важнаго. Апостолъ Павелъ могъ говорить, что, по сравненію съ Царствіемъ Божіемъ, которое достигается жизненнымъ подвигомъ, всѣ плотскіе интересы и удовольствія для него — соръ и навозъ. Но для пессимиста, который въ Царствіе Божіе не вѣритъ и за жизненнымъ подвигомъ никакого положительнаго смысла не признаетъ, — гдѣ критерій для различенія между иллюзіей и неиллюзіей?

Все сводится здѣсь въ факту ощущаемаго удовольствія, или страданія, и потому иикакое удовольствіе, какъ только оно дѣйствительно *ощущается*, не можетъ быть признано за иллюзію. Для оправданія пессимизма на этой неизменной почвѣ, остается ребячески подсчитывать количество удовольствій и страданій въ жизни человѣческой съ заранѣе составленнымъ выводомъ, что первыхъ меньше, нежели вторыхъ, и что слѣдовательно жить не стоить. Этотъ счетъ житейскаго счастья имѣлъ бы какой-нибудь смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы арифметическія *суммы* наслажденій и огорченій существовали реально, или еслибы ариме-

тическая разность между ними могла сама стать дѣйствительнымъ ощущеніемъ; но такъ какъ въ настоящей дѣйствительности ощущенія существуютъ только какъ единичныя и конкретныя состоянія, то противопоставлять имъ отвлеченныя цифры не болѣе разумно, чѣмъ въ каменную крѣпость стрѣлять изъ картоной пушки. Если возможнымъ рѣшающимъ мотивомъ жизни признается только перевѣсъ ощущеній удовольствія надъ ощущеніями страданія, то для огромнаго большинства человѣчества такой перевѣсъ оказывается фактомъ: эти люди живутъ, находя, что стоитъ жить. И къ ихъ числу принадлежатъ несомнѣнно и тѣ теоретики пессимизма, которые, разсуждая о преимуществахъ небытія, на дѣлѣ отдають предпочтеніе какому ни есть бытію. Ихъ ариметика отчаянія есть только игра ума, которую они сами опровергають, на дѣлѣ находя въ жизни болѣе удовольствія, чѣмъ страданія, и признавая, что стоитъ жить до конца ¹⁾). Сопоставляя ихъ проповѣдь съ ихъ дѣйствіями, можно придти только къ тому заключенію, что въ жизни есть смыслъ, что они ему невольно подчиняются, но что ихъ сознаніе не въ силахъ овладѣть этимъ смысломъ.

Другіе пессимисты—серьезные, т.-е. самоубійцы, съ своей стороны тоже невольно доказываютъ смыслъ жизни. Я говорю про самоубійцъ сознательныхъ, владѣющихъ собою и кончающихъ жизнь изъ разочарованія или отчаянія. Они предполагали, что жизнь имѣетъ такой смыслъ, ради котораго стоить жить, и не найдя или не узнавъ его и не соглашаясь, подобно пессимистамъ-теоретикамъ, невольно и бессознательно подчи-

¹⁾ Софистическую попытку Гартмана соединить пессимизмъ съ нравственною обязанностию жить—можно оставить безъ разбора, такъ какъ ее едва ли кто принималъ въ серьезъ.

няться на дѣлѣ этому роковому жизненному смыслу, отрицаемому на словахъ, — они лишаютъ себя жизни. Это показываетъ, конечно, что у нихъ болѣе сильная воля, чѣмъ у тѣхъ; но что же слѣдуетъ отсюда противъ смысла жизни? Эти люди его не нашли, но гдѣ же они его искали? Ромео убиваетъ себя, потому что не можетъ обладать Джульеттой. Для него смыслъ жизни въ томъ, чтобы обладать этою женщиною. Но еслибы дѣйствительно смыслъ жизни заключался въ этомъ, то чѣмъ бы онъ отличался отъ безсмыслицы? Кромѣ Ромео, сорокъ тысячъ дворянъ могли находить смыслъ своей жизни въ обладаніи тою же Джульеттой, такъ что этотъ мнимый смыслъ жизни сорокъ тысячъ разъ отрицалъ бы самого себя. При другихъ подробностяхъ мы находимъ то же самое въ сущности всякаго самоубійства: совершается въ жизни не то, что *по-моему* должно бы въ ней совершаться, слѣдовательно, жизнь не имѣетъ смысла, и жить не стоитъ. Фактъ несоотвѣствія между произвольнымъ требованіемъ страстнаго человѣка и дѣйствительностью принимается за выраженіе какой-то враждебной судьбы, за что-то мрачно-безсмысленное, и не желая подчиняться этой слѣпой силѣ, человѣкъ себя убиваетъ. Несправедливо было бы обвинять его въ малодушіи. Побѣжденная міродержавнымъ Римомъ египетская царица не захотѣла участвовать въ триумфѣ побѣдителя и умертвила себя змійнымъ ядомъ. Римлянинъ Горацій назвалъ ее за это великою женою, и никто не станетъ отрицать грандіозности этой кончины. Но если Клеопатра ждала своей побѣды, какъ чего-то должнаго, а въ побѣдѣ Рима видѣла только безсмысленное торжество темной силы, то, конечно, это было глубокою ошибкою, для которой есть то извиненіе, что за египетскою царицей стояло нѣчто дѣй-

ствительно великое: историческія преданія и національныя чувства цѣлой страны, древней и славной. А что стоитъ за большинствомъ самоубійць, кромѣ слѣпой страсти и житейскаго унынія? И если они, какъ и она, невиновны въ трусости, то еще гораздо болѣе ея виновны въ непониманіи того, что есть, и того, что должно быть.

Ясно, что смыслъ жизни не можетъ совпадать съ произвольными и измѣнчивыми требованіями каждой изъ безчисленныхъ особей человѣческаго рода. Если бы совпадалъ, то былъ-бы бессмыслицею, т.-е. его вовсе бы не было. Слѣдовательно выходитъ, что разочарованный и отчаявшійся самоубійца разочаровался и отчаялся не въ смыслѣ жизни, а какъ-разъ наоборотъ — въ своей надеждѣ на бессмысленность жизни: онъ надѣялся на то, что жизнь будетъ идти, какъ ему хочется, будетъ всегда и во всемъ лишь прямымъ удовлетвореніемъ его слѣпыхъ страстей и произвольныхъ прихотей, т.-е. будетъ бессмыслицей, — *въ этомъ* онъ разочаровался и находитъ, что не стоитъ жить. Но если онъ разочаровался въ бессмысленности міра, то тѣмъ самымъ призналъ въ немъ смыслъ. Если такой невольно признанный смыслъ нестерпимъ для этого человѣка, если вмѣсто того, чтобы понять, онъ только пеняетъ на кого-то и даетъ правдѣ названіе „враждебной судьбы“, то существо дѣла отъ этого не измѣняется. Смыслъ жизни только подтверждается роковою несостоятельностью тѣхъ, кто его отрицаетъ: это отрицаніе принуждаетъ однихъ (пессимистовъ-теоретиковъ) жить *недостойно* — въ противорѣчій съ ихъ проповѣдью, а для другихъ (пессимистовъ-практиковъ или самоубійць) отрицаніе жизненнаго смысла совпадаетъ съ дѣйствительнымъ отрицаніемъ самаго ихъ существованія. Ясно, что есть

смыслъ въ жизни, когда отрицатели его неизбежно сами себя отрицаютъ, одни своимъ недостойнымъ существованіемъ, другіе—своею насильственною смертію.

II.

„Есть смыслъ въ жизни, — именно въ ея эстетической сторонѣ, въ томъ, что сильно, величественно, красиво. Предаться этой сторонѣ жизни, охранять и укрѣплять ее въ себѣ и внѣ себя, доставлять ей преобладаніе и развивать дальше до созданія сверхчеловѣческаго величія и новой чистѣйшей красоты — вотъ задача и смыслъ нашего существованія“. Такой взглядъ, связанный съ именемъ талантливаго и злополучнаго Ницше и сдѣлавшійся теперь модною философіей на смѣну недавно господствовавшаго пессимизма, не нуждается, какъ и тотъ, въ какихъ-нибудь внѣшнихъ опроверженіяхъ—со стороны: онъ достаточно себя опровергаетъ на собственнѣйшей почвѣ. Смыслъ жизни въ силѣ и красотѣ,—пусть такъ; но какъ бы мы ни предавались ихъ эстетическому культу, мы не найдемъ въ немъ не только защиты, но даже ни малѣйшаго указанія на возможность какой-нибудь защиты противъ того общаго и неизбежнаго факта, который внутренно упраздняетъ эту мнимую божественность силы и красоты, ихъ мнимую самостоятельность и безусловность — тотъ фактъ, что конецъ всякой здѣшной силы есть безсиліе, и конецъ всякой здѣшной красоты есть безобразіе.

Если говорить о силѣ, о величіи и красотѣ, то всякому, начиная отъ русскаго уѣзднаго учителя (см. „Ревизоръ“ Гоголя) и до самого Ницше, какъ полнѣйшее во всемірной исторіи воплощеніе этихъ эстетическихъ

свойствъ, вмѣстѣ взятыхъ, представляется одинъ и тотъ же образъ. И этого достаточно:

„И бысть егда поражаше Александръ Македонскій, сынъ Филиппа, иже изыде отъ земли Хеттіймъ, порази и Даріи, царя персскаго и мидскаго, и воцарися вмѣсто его первый въ Елладѣ. И состави брани мнози, и одержа твердыни мнози, и уби цари земскія. И пройде даже до краевъ земли и взя корысти многихъ языковъ, и умолча земля предъ нимъ, и возвысися, и вознесся сердце его. И собра силу крѣпку зѣло, и начальствова надъ странами и языки, и мучительми, ꙗ быша ему въ данники. *И посемъ наде на ложе и позна яко умираетъ*“ (I кн. Макк.).

Развѣ сила, безсильная передъ смертію, есть въ самомъ дѣлѣ сила? Развѣ разлагающійся трупъ есть красота? Древній представитель силы и красоты умеръ, какъ самая безсильная и безобразная тварь, а новѣйшій поклонникъ силы и красоты заживо превратился въ умственный трупъ. Отчего же первый не былъ спасенъ своею красотою и силою, а второй своимъ культомъ красоты и силы? И кто же станетъ поклоняться божеству, не спасающему свои воплещенія и своихъ поклонниковъ?

Несчастный Ницше въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ заострилъ свои взгляды въ яростную полемику противъ христіанства, обнаруживая при этомъ такой низменный уровень пониманія, какой болѣе напоминаетъ французскихъ вольнодумцевъ прошлаго вѣка, нежели современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Приписывая христіанство исключительно низшему социальному классу, онъ не видитъ даже того простого факта, что евангеліе было проповѣдью не сомнительнаго возмущенія, а вѣрнаго *спасенія*, что вся сила новой ре-